

И на лукавое воззванье
 Храня глубокое молчанье,
 Онъ нѣчто—грустенъ и уныль—
 Перстомъ Божественнымъ чертиль,
 И наконецъ сказала народу:
 «Даю вамъ полную свободу
 Исполнить праотцевъ законъ;
 Но гдѣ тотъ праведный, гдѣ онъ,
 Который первый на блудницу
 Подниметь тяжкую десницу?»
 И вновь писалъ Онъ на землѣ...
 Тогда, съ печатью поношенья
 На обезславленномъ челѣ,
 Сокрылись дѣти ухищренья—
 И предъ лицомъ Его одна
 Стояла грѣшная жена.
 И Онъ, съ улыбкой благотворной,
 Сказала: «покинь твою боязнь!
 Гдѣ твой синедрионъ упорный?
 Кто осудилъ тебя на казнь?»
 Она въ отвѣтъ:—никто, Учитель!—
 «И такъ, и Я твоей души
 Не осужу», сказала Спаситель,
 «Иди въ свой домъ, и не грѣши!»

1838.

ЧАХОТКА *).

(А. П. Лозовскому).

*Вотъ тебѣ, Александръ, живая картина моего
 настоящаго положенія:*

.

Но горе мнѣ: съ другой находкой
 Я ознакомился—съ чахоткой,
 И въ ней, какъ кажется, сгнію!
 Тяжелой мраморною плитой,
 Со всей анаемскою свитой—
 Удушьемъ, кашлемъ—какъ змѣя,
 Впицась, проклятая, въ меня;
 Лежитъ на сердцѣ, мучить, гложетъ
 Поэта въ мрачной тишинѣ,

*) Стихотвореніе написано Полежаевымъ за нѣсколько дней до смерти.